

طاشاکسی

ПЕСКИ МАХРУСА

Алекс Д Лана Мейер

Восточные (не)сказки

Алекс Д

Мактуб. Книга 2. Пески Махруса

«Лана Мейер»

«Алекс Д.»

2020

Д А.

Мактуб. Книга 2. Пески Махруса / А. Д — «Лана Мейер»,
«Алекс Д.», 2020 — (Восточные (не)сказки)

Соглашаясь на новое задание, Эрика даже представить себе не может, что окажется эксклюзивным «товаром», выставленным на одном из самых знаменитых аукционов Ближнего Востока... именно здесь ей и предстоит вновь столкнуться с Джейданом Престоном, никем иным, как агентом анмарских спецслужб. Маска художника сброшена. И теперь он тот, кто купил ее. Он тот, от кого в затерянных и самых удаленных уголках пустыни зависит вся ее жизнь... Джейдан Мы будем гореть дотла, до черных шрамов, до криков отчаяния, ненависти, боли и похоти, разносящихся над пепелищем. Судьба настигла нас... снова, и на этот раз завершит начатое. И, если я не смогу спасти тебя, то останусь. Мы будем гореть, Эйнин. Вместе. Эрика Я должна была остаться рядом и держать тебя за руку до тех пор, пока опасность не отступит, и убедиться, что бездна не поглотила тебя, забрав в лапы смерти... Но я этого не сделала.

© Д А., 2020

© Лана Мейер, 2020

© Алекс Д., 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алекс Д, Лана Мейер

Мактуб. Книга 2. Пески Махруса

Пролог

*«Отношения истинных влюблённых подобны агату – прекрасному
и прочному камню, описанному в легендах...»*
(с)

Полгода спустя
г. Асад, страна Анмар

Эрика

– С возвращением домой, Эрика, – слегка вздрагиваю, как только мрачный и слегка сонный после длительного перелета голос Зейна возвращает меня в реальность. Не думала, что он заявится в мой номер так быстро. По заданию Зейн лишь играет роль моего любовника, и мне бы не хотелось, чтобы Хассан «вжился в роль» и решил, что теперь, когда мы почти двадцать четыре часа на семь вынуждены проводить вместе, – ему позволено переступить черту служебных отношений.

Последние несколько минут, растянувшихся в вечность, я пребывала в состоянии полнейшего оцепенения. Стоило мне распахнуть панорамную дверь, ведущую на балкон номера, как я мысленно перенеслась за грань реальности... Внутренности болезненно сжались, когда под прикрытыми веками я вновь увидела кадры из страшного фильма, что в девятилетнем возрасте пережила наяву. Боевик, душераздирающая драма, трагедия. И назывался он «Аззамаский теракт».

До боли стискиваю зубы, влажными ладонями с большей силой сжимаю балконный поручень и, прищурив веки, вглядываюсь в каждую деталь простирающейся подо мной столицы Анмара – современного, роскошного Асада, что за последние годы разросся до поразительных размеров и стал олицетворением величия и роскоши, бриллиантовым венцом для всего Ближнего Востока. Не так давно территория, которая сейчас застроена небоскребами, представляла собой пустынные барханы, по которым бродили кочевники и бедуины на своих верблюдах. После обнаружения в недрах Анмарской земли крупных запасов алмазов и нефти, ситуация резко поменялась, и теперь столица страны – город Асад похож на Нью-Йорк, лишь с той разницей, что находится на берегу Персидского залива, и здесь всегда настолько жарко, что я не представляю, как местные женщины выживают в этом горячем городе, будучи замотанными в национальную одежду.

Хотя... разве не представляю?

Когда-то я фактически не снимала ее. Отец настаивал на парандже и никабе, который открывал взору других лишь мои глаза, поэтому я редко опускала их в пол, жадно впитывая этот мир взглядом, поскольку не могла полноценно ощутить его кожей... не знаю, о чем я мечтала больше: о том, что однажды прочувствую палящие лучи утреннего солнца, приятно пронизывающие тело, или все же тайно желала лишь одного: чтобы он увидел меня такую, какая я есть. Увидел и больше бы не смог отвести взгляд, как и от михраба, по поверхности которого плавно, размеренно, но четко скользила кисть моего тайного возлюбленного. Я всегда

думала, что всего лишь моих глаз будет недостаточно для того, чтобы юный творец выделил меня из толпы.

И теперь с приятным трепетом я осознаю, что ошибалась... он выделил меня.

Он знал меня.

И все эти годы художник меня помнил.

А главное – он жив.

Желания к прежнему одеянию возвращаться у меня нет, но я с удовольствием надела голубое платье без бретелек в пол и накинула кардиган с длинными рукавами сверху. Я выгляжу романтично и лаконично, придраться к моему образу или обвинить в распутстве сейчас нельзя. И пусть я больше не верю в того Бога, четкие заветы которого внушал мне отец, я глубоко уважаю традиции земли, на которой я родилась, и на которой сейчас нахожусь.

Семьдесят седьмой этаж, мы в отеле, расположенном в одном из самых высоких зданий мира. Солнечные лучи, касаясь зеркальных стен небоскребов, делают их похожими на сверкающие алмазы, скрывающиеся в недрах Анмара. Этот город ослепляет своей красотой – намеренно и жестоко предстает передо мной в удивительном свете, открывая пейзаж, на который хочется смотреть бесконечно... показывая мне картину, скрывающую другую сторону медали этой страны, настоящий «черный квадрат», закрытый яркой позолоченной и скрывающей от взгляда «грязные мазки на холсте» портьерой... Анмар умело скрывает мерзость, разврат, похоть, убийства и все остальные смертные грехи, пуская раскаленный песок в глаза всем его гостям, обезоруживая красивой картинкой, за один взгляд на которую можно заплатить высокую цену.

И вновь у меня схватывает дыхание, ледяные мурашки атакуют затылок, когда я совершенно четко и ясно вспоминаю, как переступила порог мечети в тот день и увидела окровавленное тело родного брата, его быструю смерть, что после начала дышать мне в затылок, гнаться по тесному тоннелю и наступать на полы паранджи, запятнанной каплями крови.

Прекрасное и отвратительное имеет очень тонкую грань, запечатлеть которую дано не каждому, единицам, избранным.

И я знаю человека, которому под силу властвовать над этими гранями. И от одной мысли, что он здесь, возможно, где-то рядом, в одном из этих сверкающих небоскребов, мое сердце захватывает от бешеных и гулких ударов о ребра.

– Джейдан, – низ живота сводит, и я не могу удержать свои чувства и эмоции внутри, с силой закусывая губы.

Даже не представляю, что сказала бы Престону, если бы вновь его увидела. После того, что я узнала о нем, после того, как поняла, что он – тот юноша, я не могу избавиться от ощущения, что между нами установлена чуть ли не кармическая связь, а судьба сталкивает нас раз за разом, чтобы что-то объяснить нам, преподать свои уроки, смысл и итог которых мне пока неизвестен и непонятен. В одном я уверена точно – то, что мы столкнулись спустя пятнадцать лет на другом конце света, не может быть случайностью.

Моя мама сказала бы, что это «Мактуб», если я рассказала бы ей о Джейдане. Она бы превратила наше знакомство в сказку, убедив меня, что наша встреча предначертана Автором судеб. Однако я пытаюсь думать об этом как можно меньше, чтобы не заглядывать в будущее, не строить себе воздушных замков и в конце концов – ни за что не влюбляться, не терять голову. Снова. Я просто не могу себе этого позволить после чистосердечного признания Джейдана о том, что он «хуже ядовитого любовника».

Думаешь, я – убийца? Не повезло тебе, крошка. Хуже я, хуже... – не могу выкинуть из головы его слова и порывистую, одержимую страсть и жажду, накрывшую меня многообразием оттенков в тот вечер на парковке. Кто может быть хуже убийцы? Что еще скрывает Джейдан? Какой он на самом деле? Спаситель или убийца? Герой или разрушитель? Тайный агент, художник, мужчина, способный проходить сквозь стены и оставлять в моей кровати свои «метки»?

Так трудно понять, что я к нему испытываю... и я отчаянно убегаю от самой себя, закрывая и блокируя в душе глубокие и по-настоящему взрослые чувства маленькой девятилетней Медины. Но до конца поставить блок уже не выходит, не получается, как бы ни старалась. Пора посмотреть правде в глаза: я меняюсь в геометрической прогрессии, и меня страшат эти перемены. Но... если бы не Джейдан, я бы вообще сейчас здесь не стояла. Хватит ли мне сил произнести ему слова благодарности, протянуть руку перемирия, переступить через огромную стену своей гордости? И я даже не знаю, увижу ли его снова. Никогда не признаюсь даже самой себе в том, что я хочу этого, до одури жажду. Еще хоть раз, хотя бы один, последний. Взглянуть в четкие и заострённые черты лица, упав в синие океаны глаз цвета индиго. Это желание – такая же необходимость, как крошечный глоток воды в эпицентре раскаленной пустыни.

И в данный момент пустыня – это моя высыхающая без эмоций и истинной любви душа. Я устала быть сильной... но я должна, я буду. Впереди новое задание, требующее от меня сосредоточенности, полной отдачи, безупречной актерской игры и бесстрашия.

– Асад – не мой дом, Зейн, – тихо отвечаю Хассану, не оборачиваясь, не в силах отвести взгляд от песчаных земель за городом, что едва заметны у самой линии горизонта. Он где-то там. Мой дом – это крошечное поселение Аззам, в районе Кемар, который когда-то заявил о своей независимости от Анмара, что и привело к революции и кровопролитию на моей родной земле. В Асаде же я впервые, и до этого видела этот сказочный город лишь на фотографиях в гугле. Именно поэтому я не могу согласиться с Зейном, язык не поворачивается назвать этот город своим домом. Мой дом исчез с лица земли вместе с отцом, матерью, братьями и сестрами. Нью-Йорк, Мэтт и Лукас – стали приютом, пожизненным пристанищем, где хорошо, комфортно и уютно, где есть о ком позаботиться и на кого положиться. Говорят, что дом там, где тебя любят... но это не моя история, ведь я никому не позволяла любить себя. И лишь где-то в самой глубине закрытой души внутри меня кричит и плачет напуганная до ужаса маленькая девочка, которая мечтает о любви, семье, и настоящем доме. О простом женском счастье, а не обо всей этой беготне за убийцами, маньяками и заданиями, которую жаждет Эрика Доусон. Раскол личности налицо, долбаный надрыв в душе – его не сшить нитками, не склеить, не исцелить... не знаю, кто я, Джейдан, поэтому не смогла показать тебе этого...

«Ни одна камера и ни одно зеркало не отразит того, что вижу в тебе я, Эрика. Не нужно бояться открыться. Я не причиню тебе боли. Только удовольствие. Покажи мне, кто ты...»

– Ты понимаешь, о чем я, Эрика. Тебе к лицу этот город, – медленно перевожу взгляд на Зейна, фокусируя внимание на том, как он неторопливо листает фотографии на планшете, периодически поджимая губы. Брови мужчины сдвинуты к переносице, взгляд сосредоточен на экране.

– Тебе пойдут съемки в стиле Шахерезады, – Зейн раздвигает губы в легкой ухмылке, кидая на меня едва заметный голодный взгляд, который вызывает во мне бурю негодования и раздражения. Сальный, липкий, пачкающий. Меня тошнит от мужчин, после нападения Мааба я уже и забыла, что такое секс, желание и близость. – На ближайшие две недели твое расписание включает в себя бесконечное участие в шоу, интервью и съемках. Думаю, этого будет достаточно для того, чтобы Ильдар Видад заметил твое прибытие. Черт подери, да нужно быть полным идиотом, чтобы не наброситься на жертву, что сама заявила в твое логово... точнее, на твою территорию, в данном случае – на территорию Анмара, – Зейн вдруг касается моей ладони, но я по-прежнему до боли сжимаю балконный поручень, ощущая, как сердце мгновенно покрывается льдом. – Я до сих пор против того, чтобы ты была наживкой и пушечным мясом, – твердо заявляет Зейн, в который раз за последние два дня пытаюсь стать для меня героем-спасителем. – Еще не поздно, Эри...

– Не называй меня так, – мгновенно ошетинившись, отрезаю я. – Поздно давать заднюю, Зейн. Я и не собираюсь, – решительно продолжаю я, смерив вечно сомневающегося Зейна недовольным взглядом. – Из-за меня был убит свидетель всей гнилой деятельности Ильдара,

из-за меня мы упустили его и из-за меня мы потеряли нить, ведущую к королевскому советнику и, как следствие, в «Пески Махруса», деятельность которых просто необходимо остановить! Смит сам назначил меня на это дело, и я не могу снова облажаться, понимаешь? Я хочу восстановить репутацию, хочу знать, что годы тренировок и обучения были не зря! – пылко отчеканиваю я, с ужасом вспоминая то, что довелось увидеть, находясь в этой проклятой «организации». И судя по тому, как там относятся к людям, эту компанию нужно было назвать «Скотный двор». Это было бы куда правдивее – «Пески Махруса» даже на звание борделя не тянет, потому что там продают и рабочую силу, мужчин и ни в чем невиновных детей, которым навсегда ломают жизнь, судьбу и личность... за последние годы этот мерзкий бизнес достиг невероятных масштабов, и меня бросает в ледяной пот, как только я думаю о том, сколько там обитает «мертвых» и загубленных, навсегда сломленных душ.

А ведь я находилась там всего три дня. Но мне никогда не забыть о том, что относились ко мне там как к загнанной в клетку антилопе, которую вот-вот отдадут диким львам на растерзание. Скорее, гиенам и шакалам, для которых цена не имеет значения – за «свежий» товар, каким являлась я, могли отдать миллионы и несколько гектаров земли в придачу. Такое не должно происходить в современном мире! И я сделаю все, что в моих силах, чтобы «Пески Махруса» навсегда исчезли с лица земли. Ради себя и Алии, которой пришлось провести в «Песках» несколько лет, прежде чем ей чудом удалось сбежать из этого чистилища.

– К тому же, ничего сложного нет в том, чтобы привлечь внимание Ильдара, посещая светские съемки и мероприятия. Это обычное дело для меня, Зейн. Пара намеков в прямом эфире из моих уст о том, как я скучаю по своему покровителю, и он объявится, – непреклонным тоном продолжаю напоминать Зейну о нашем плане, скрывая страх и личные опасения за маской непробиваемой уверенности в себе. – Дело останется за малым – взять его и вывезти в Штаты для допроса. И этим уже буду заниматься не я, а ты и оперативная группа.

– Но ты рискуешь своей жизнью, Рика! Мэтт постоянно обрывает мой телефон. Я слышал, что он сцепился со Смитом, когда узнал, что тот все-таки отправил тебя сюда. Если с тобой что-нибудь случится – тяжело выдыхает Зейн и резко обхватывает мои плечи ладонями, легонько встряхивая. Поднимаю взгляд в темно-карие глаза Хассана и не ощущаю внутри и толики волнения за себя, или же трепета от его прикосновений. Сердце в груди ощущается как ледяная и почти неподвижная глыба, а душа с горечью осознает, что я хочу, чтобы куда сильнее и прямо сейчас меня обхватили другие руки.

Чтобы он пришел, увидел, сжал, схватил, взял. Сдавил в болезненные тиски, оставил красноватые следы на коже. Хочу Джейдана видеть, хочу так сильно, что самой жутко от пульсирующего в голове и внизу живота желания. Хочу видеть зверем, каким был на парковке, или же немногословным художником. Любим хочу, лишь бы встретиться вновь и сказать другу все то, что не сказано, накоплено за годы, не выплакано. Он ведь тоже наверняка потерял всю свою семью в той мечети... но он не выглядит сломленным. Джейдан всегда кажется нерушимой скалой, которая никогда не даст трещину.

– Я смотрю, ты уже вжился в роль моего любовника, Зейн, – то, что Хассан прибыл сюда в качестве моего мужчины лишь «прикрытие», легенда для отвода глаз, но, кажется, Зейн воспринял ее слишком буквально, судя по тому, как быстро нашел повод полапать меня. – Не о чем волноваться, Зейн. С нами вооруженная группа сопровождения из тридцати человек. Они будут следовать за мной по пятам, будут присутствовать на всех мероприятиях, что мне предстоит посетить. А как только Ильдар появится в поле зрения – меня защитят. Я не боюсь, они профессионалы своего дела, Зейн. Отобраны самые лучшие агенты. И я не наживка, а охотница, – смело заявляю я, глядя в обеспокоенные и неуверенные глаза Зейна. Хассан опускает взгляд, заставляя меня ощутить свое мерзкое, отвратительное мне превосходство над мужчиной.

– Хорошо, Рика. Ты помнишь, что должна сделать? – Зейн наконец отпускает мои плечи, и я облегченно выдыхаю, возводя взгляд к небу.

– Выманить Ильдара Видада из своего убежища. Намекнуть, что неукротимая им Эрика Доусон очень соскучилась по своему «папочке», – пожимаю плечами и только сейчас понимаю, что сарказм не очень уместен, когда речь идет о сохранении моей жизни и спасении сотен людей, пребывающих на «рынке плоти».

И в тот момент я действительно была полна уверенности, решимости и не ведала страха и успокаивала себя мыслями о том, что я – важнейшее звено в данной операции. Так сказал Смит после того, как восстановил меня на службе. Но я и представить себе не могла, что Зейн окажется более близок к правде, и всего лишь несколько дней отделяет меня от той точки невозврата, после которой ни моя жизнь, ни я больше никогда не будут прежними.

Глава 1

*«Художники пишут глазами любви, и только глазами любви
следует судить их.»*
Г.Э. Лессинг

Несколько недель спустя. Анмар. г. Асад.

Джамаль

Два с половиной часа езды в бронированном внедорожнике по душной, пыльной трассе, несмотря на работающий на полную мощь кондиционер, к концу пути заставили меня пожалеть, что я отказался от вертолета. Таир срочно вызвал меня к себе, а ждать вертушку пришлось бы около трех часов. Рассчитав временной путь, я решил, что наземным транспортом доберусь до места назначения быстрее. Да и дальше потеть в небольшом поселке на окраине провинции Мирза желания было мало. В снятом на пару месяцев доме не была предусмотрена система охлаждения воздуха. В моем распоряжении оказался один единственный вентилятор, напротив которого я и проводил свободное время, чтобы не сдохнуть от жары. В ночные часы становилось легче, но дом остывал только к утру, а там снова появлялось солнце и пекло возвращалось.

Самое главное – добраться до Асада, а оттуда полчаса пути, и я на месте. Границу городской черты мы уже пересекли, дальше только пустошь и выгоревшие поля. Я с облегчением выдохнул, когда после тщательной проверки на пропускном пункте автомобиль въехал на закрытую огражденную территорию, принадлежащую АРС. Водитель остановил джип у центрального входа в здание Управления. После охлажденного салона внешняя духота показалась нестерпимой. Круглосуточный хамам – вот на что похожи летние месяцы в Анмаре.

Еще один пункт досмотра, и я наконец-то внутри главного правительственного корпуса. Да здравствуют кондиционеры. Как мало надо человеку, чтобы воспрянуть духом. Двадцать этажей на лифте. Длинный лабиринт коридоров с множеством перегородок, защищенных кодом доступа, и я у двери полковника Таира Кадера. Доступом в кабинет руководителя внешней разведывательной службы обладает только он сам. Камера фиксирует мое присутствие, и дверь с механическим щелчком отрывается, пропуская меня внутрь. Таир, облаченный в военную форму, как обычно восседает во главе стола. Обменявшись традиционными приветствиями и предложив мне присесть, он сразу переходит к делу.

– Я прервал твоё задание по веским причинам, – произносит он, предугадав мой вопрос. Склонив голову в знак уважения, я отхожу к окну, откуда открывается вид на полигон, где тренируются агенты и новобранцы. В юности я провел там огромное количество часов. Изнурительная спец. подготовка под палящим солнцем. От усталости и жары многие парни теряли сознание, годами не могли перейти на следующий уровень. Мне повезло. Я оказался выносливым и упрямым, и поэтому сейчас здесь, а не там.

– Но прежде чем перейдем к обсуждению новых обстоятельств, доложи ситуацию на текущий момент, – несомненно, это приказ, и судя по всему, Кадер не в лучшем расположении духа. Я впал в немилость после провала последнего задания и теперь обязан исправить ошибку и завершить миссию, чем в принципе и занимался в провинции Мирза последние пару месяцев.

– Я налаживал контакт с Наимом Азизом, – официальным тоном начинаю я. – Сначала через посредника, который поставлял ему оружие, потом лично. Он очень острожен в общении, однако мое прикрытие не вызвало у него сомнений.

- Тебе удалось выяснить местонахождение Шатров Махруса?
- Нет, но я упоминал в разговоре с Наимом, что заинтересован в покупке белой рабыни, желательно американки или европейки хорошего качества. Он обещал помочь.
- Каким образом?
- Я получу координаты на мой телефон за час до начала аукциона. И если сообщение придет сейчас, то я вряд ли успею добраться хотя бы к концу торгов.
- Это ирония, Джамаль? – холодно интересуется Таир, я смотрю на его погоны, чтобы он не заметил раздражения в моем взгляде.
- Я не уверен, что Ильдар будет присутствовать на аукционе. Он не настолько глуп, – озвучиваю вслух, о чем почти сразу жалею.
- Тебе не нужно думать, Джамаль. Твоя прямая обязанность – выполнять мои приказы.
- Как агент с широким перечнем полномочий я имею право в исключительных случаях...
- Никаких прав принимать самостоятельные решения до согласования со мной, – грубо обрывает меня полковник. Если бы я не был ему обязан всем, что имею, то возненавидел бы. – Какой бы экстренной ни была обстановка. Ты видишь результат своих решений?
- Если бы спецслужбы взяли Мааба...
- Ильдар на тот момент был бы уже ликвидирован на нашей территории, – снова не дал мне договорить Кадер. – А для уничтожения Мааба выехал бы другой агент.
- Вы бы не успели, акид (с араб. Полковник), – уверенно заявляю я, и мне кажется, что слышу, как скрипнула или даже хрустнула челюсть Таира Кадера. – Я действовал по ситуации. И считаю, сделал все зависящее, чтобы минимизировать риски. И сейчас усиленно работаю над поиском Видада.
- Не ты один, – резким ледяным тоном бросает Кадер и встает из-за стола. Я вопросительно смотрю в суровое морщинистое лицо, на котором яростно сверкают черные глаза. Линия губ сжата в жесткой усмешке, тяжелая челюсть напряжена. Внутри рождается тревожное предчувствие.
- Американская разведка?
- Кадер мрачно кивает, убирает руки за спину и выходит на середину кабинета. Встает напротив, пристально глядя мне в лицо. Потом отступает назад, ухмыльнувшись уголком губ.
- Девушка, которую планировал вывезти в Анмар Видад, пару недель назад появилась в Асаде, – сообщает он, разворачиваясь к окну. Я делаю то же самое. Теперь мы стоим плечом к плечу, наблюдая за тренировками агентов на полигоне. Но я только делаю вид, что наблюдаю. На самом деле мой мозг усиленно анализирует полученную информацию. – Рекламная деятельность, все чисто на первый взгляд. Приехала со своим бойфрендом и съёмочной группой. Участвовала в нескольких шоу, которые попали на местные телеканалы. Там мы ее и заметили.
- И что не так с девушкой? – застыв, я, не моргая, смотрю перед собой, пытаюсь не выдать своего состояния. В стекле панорамного окна отражаются мои заострившиеся скулы и плотно сжатые губы. Прикладываю максимум усилий, чтобы расслабить мышцы. Мне удастся как раз в тот момент, когда Таир поворачивает голову в мою сторону.
- Эрика Доусон – агент ЦРУ, и находится здесь с группой прикрытия и своим координатором Зейном Хассаном, – я остро чувствую на себе пристальный сканирующий взгляд Кадера. Сердце с бешеной скоростью разгоняет кровь по венам, но я все равно ощущаю, как озноб бежит по спине.
- Эрика Доусон... Шайтан, я надеялся, что не скоро еще услышу это имя. Мааб все-таки успел наговорить лишнего, иначе американские службы не начали бы несогласованную АРС операцию. Зачем она в это влезла, идиотка? Я же предупреждал, черт бы ее побрал. Я бы вернулся за ней, когда все закончится. Непроизвольно сжимаю пальцы в кулак, вспоминая, как изучал ими черты лица Эйнин. Я запомнил каждую... Ее посветлевшие от слез глаза с мерцающими серебристыми искрами, точно такие же, как тогда, пятнадцать лет назад. Боль и отчаяние

снимают маски, оголяют чувства, показывая внутреннее содержание, открывая истину, которую мы прячем даже от самих себя. Я пытался заглянуть внутрь, используя обычные проверенные методы; я думал, что страсть и желание приоткроют завесу, а мне нужны были ее слезы, боль и агония – то, что невидимой нитью соединило нас однажды и тут же разбросало в разные стороны. И когда я держал в ладонях залитое слезами лицо, вглядываясь в глаза, ставшие моим неискоренимым наваждением и источником вдохновения на долгие годы, она рассказала мне, кто она, не произнеся ни одного слова. Я увидел в их лазурных глубинах свою маленькую испуганную Эйнин, в одночасье потерявшую все, что у нее было: дом, семью, родину, веру и счастливую жизнь, которая могла бы ждать нас обоих... Я узнал ее слезы, Шайтан меня подери, серебристые искры в бескрайних озерах скорби и боли, тающие в глубоких глазах Эйнин, как хрустальные снежинки.

Я уничтожил безликие портреты, хранившиеся в студии в Нью-Йорке. Они потеряли всякий смысл и ценность, теперь я знаю, как выглядит лицо Эйнин. Я напишу новые. Пока мои пальцы будут способны держать кисть, она не оставит меня. Нет такой силы, которая сможет заставить меня забыть ее лицо снова. Только отвернувшаяся удача и смерть, но пока я ношу свой оберег – мне ничего не страшно. Самодельные четки Эйнин хранят меня от гибели много лет. Я не вернул ей их, когда забрал кольцо и оставил тот портрет, который наверняка рассказал ей правду... о нас, о прошлом. Не могу поверить, что Эйнин удалось сохранить перстень отца. В голове не укладывается, как я не узнал ее, не почувствовал. Как не нагрелись потертые бусины, не обожгли мои пальцы, когда я перебирал их в кармане брюк, находясь рядом с той, что подарила мне удачу.

Сомнения появились еще когда я увидел покрытые пылью голые ступни Эрики на парковке, где мы сражалась почти на равных. Слишком много лет прошло с нашей последней встречи, чтобы я мог поверить сигналам подсознания. Кисти рук, ступни и необычные глаза – все, что сохранила моя память о той робкой маленькой девочке из мечети, где сторело наше прошлое и надежды на счастливое будущее. Слишком мало, чтобы узнать, сопоставить с дикой и отчаянной сумасбродной стервой Эрикой. Образ Эйнин, скромный, овеванный почти священным для меня ореолом недоступности, не вязался с девушкой, которую я встретил на выставке. Страстная, яркая, вызывающе сексуальная, откровенная, острая на язык, надменная. Она запутала меня, обыграла, затмила здравый смысл похотливой пленой. Я винил разыгравшееся воображение и бешеную потребность обладать бросающей мне вызов девушкой и одержимую неконтролируемую страсть, обрушившуюся на нас несвоевременно и слишком поздно...

От нас прежних ничего не осталось. Обожженные и покалеченные Аззамским терактом мы никогда не сможем повернуть время вспять. Судьба безжалостна, нелепа, жестока. Боль и ярость, гнев и ненависть – навсегда останутся внутри, выжигая все, что делало нас слабыми, уязвимыми, беспомощными. Я помню... я слишком хорошо помню страх и отчаяние, растерянность. Я пытался быть храбрым, но боялся так же, как она.

Говорят, когда человеку нечего терять, он ничего не боится. Это неправда. Помимо собственной жизни всегда есть чья-то еще, ради которой ты без сомнения пожертвуешь своей. И в самые страшные моменты, когда силы и воля покидали меня, я думал о той девочке, которую вытащил из огня пылающей мечети, и я верил, что она где-то живет, улыбается солнцу, что ее глаза светятся радостью, и она тоже помнит обо мне.

Я не знал, что с ней стало после того, как она сбежала. Повстанцы оглушили меня и вывезли в свой лагерь, где я провел несколько недель. Меня заперли в железной клетке, как дикого зверя. Клетка стояла под палящим солнцем и уже к обеду раскалялась так, что до прутьев нельзя было дотронуться. Воды и еды давали ровно столько, чтобы я не умер, и регулярно, словно по какой-то отлаженной программе, будили среди ночи и методично избивали без единого слова, не оставляя шрамов, словно хотели сохранить товарный вид. Однажды один из ублюдков перестарался, и я начал терять сознание, чувствуя, что умираю. Я помню, как

яростно кричала женщина с серебряными глазами, та самая, что выстрелила в слепого мальчика муэдзина. Я так и не понял, что именно и почему она кричала, сознание заволокла тьма, сквозь которую на меня смотрели полные грусти и слез глаза Эйнин.

Мне повезло, я снова выжил. Как оказалось, на лагерь повстанцев напали военные Анмара, уничтожив поголовно всех, кроме пленников. Очнулся уже в госпитале. И первым человеком, который меня навестил, был Таир Кадер. Он задал мне только один вопрос, который решил мое будущее:

«Ты хочешь научиться стрелять в тех, кто уничтожил Аззам? Я не говорю про правосудие и закон. Придется держать оружие. Направлять в головы тех, на чьих руках кровь многих невинных жертв. Ты сможешь, Джамаль?»

Конечно я согласился. И я смог – держать оружие, отслеживать, целиться и стрелять. Без малейшей тени сомнения, без ночных кошмаров и мук совести. Мои руки по локоть в крови, но я не жалею ни об одном приведенном в исполнении приговоре. Горящая внутри ярость и гнев нашли единственно разумное и полезное применение. Прежде чем спустить курок, я не зачитываю приговорённым список их преступлений. *Они знают. Убийцы всегда узнают друга друга по глазам.* Именно так я вычислил Мааба.

– Для тебя это не новость, Джамаль? Ты знал, что Видад собирается вывести в Анмар свою любовницу, являющуюся агентом разведки другого государства? – пристальный взгляд Кадера сканирует мое лицо, выявляя признаки, которые его взгляду не подвластны.

– Нет, – уверенно отвечаю я. Виртуозно лгать научился еще в учебке, обнаружив в себе способность без труда распознавать скрытые эмоции людей через их мимику, жесты, интонации голоса и другие симптомы, незаметные обычному наблюдателю. Вероятно, это иная ипостась моих художественных способностей. Когда в юности я покрывал арабеской и орнаментом мечети, то уделял огромное внимание мельчайшим деталям, считая, что священное место должно быть безупречным.

– Нет? Но ты не позволил ему этого сделать. Мне интересно, почему? – еще один провоцирующий вопрос. Тактика Таира мне давно известна. Все его вопросы звучат как обвинение, вынуждая собеседника оправдываться.

– На тот момент моей целью уже был Мааб. Девушка тут ни при чем, – ровным голосом отвечаю я.

– Надеюсь, что так, – удовлетворённо кивнув, Кадер наконец-то отворачивает голову. – Потому в данный момент Эрика Доусон доставлена в Шатры Махруса. Вероятно, она привлекала внимание Ильдара, намеренно мелькая на телеэкранах и посещая массовые мероприятия. Ее руководство все правильно рассчитало. Использовали девчонку, как наживку, видимо, прекрасно зная о равнодушии новому приятелю Наиму Азизу. А тот уже отправил своих людей за ценным лотом для следующего аукциона.

– Он не явится сам, – мне повезло, что полковник не видит сейчас выражение моего лица. Мое отточенное самообладание дало трещину, когда я услышал, где сейчас находится Эйнин. Какой идиот послал ее сюда? На что они рассчитывают? Какая к черту из нее наживка? Ее убьют или трахнут еще до начала аукциона, причем она приложит все свои усилия и дерзкий язык для того, чтобы это случилось.

– Неважно. Девушку доставят к нему в любом случае. Задача группы – отследить путь и взять объект.

– Моя задача? – сглотнув образовавшийся в горле ком, спрашиваю я.

– Не допустить выкупа агента поверенными Видада. Вывести и удерживать с той же целью, что преследовали ее руководители из Управления. Его нужно выманить на территорию Анмара, Джамаль, и уничтожить.

– А группа прикрытия? Ее попытаются отбить, если что-то пойдет не так.

– Они уничтожены, – оглушает меня ответом Таир. Я на мгновение закрываю глаза, чтобы собраться с силами и взять контроль над эмоциями, – Координатору удалось скрыться. Официальная версия – нападение повстанческих сил Кемара. Сработано чисто. ЦРУ не сможет ничего предъявить или запросить разрешение на расследование. Они действовали, не получив разрешение на проведении спецоперации. Мы защищаем свои интересы, Джамаль. Это главная цель АРС – не допустить подпольной деятельности спецслужб других государств на территории Анмара.

– Американцы пришлют следующую группу, – в этом я уверен, и не без причин, но полковник не в курсе всех нюансов. Ему и не нужно знать, что отец агента Доусон руководит одним из подразделений Управления разведки, иначе ее уберут до того, как я доберусь до Махруса. И точно уберут, когда я вернусь обратно.

– Надеюсь, на тот момент задание будет выполнено, – резко отвечает Кадер. Я напряженно смотрю в окно, мысленно перебирая всевозможные варианты выхода из тупиковой ситуации. Некоторые преимущества у меня все-таки есть. Таир Кадер доверяет мне, уверен в моей преданности, и информацию, которую я передаю, не подвергают многоуровневой проверке. Это можно использовать.

– А агент Доусон? Как быть с ней?

– А у тебя есть варианты? – повернувшись, полковник пристально смотрит мне в глаза.

– Я не совсем уверен, что мы имеем полномочия ликвидировать американских агентов. Директор АРС одобрил уничтожение группы прикрытия? – на мой взгляд, действия моего руководства чрезмерно радикальны. Мы не в режиме военного положения, чтобы так рисковать.

– Разумеется. Ты же понимаешь, что стоит на кону, Джамаль? – прищурив глаза, спрашивает Кадер. – Ильдар Видад – младший брат премьер-министра, ближайшего советника короля. Если американские разведчики возьмут его, и он заговорит, а эта подлая сволочь заговорит, то верховного правителя Анмара могут обвинить в укрытии и негласном покровительстве самой крупной группировки по торговле людьми на Ближнем Востоке. И как итог – полный разрыв дипломатических и торговых связей, вплоть до военного вмешательства. Поэтому, Джамаль, никакой импровизации и незапланированных действий. Есть вопросы?

– Нет. Я могу отправляться сейчас?

– Выедешь завтра, – коротко отвечает Кадер. Взгляд его смягчается, и я догадываюсь, о ком сейчас пойдет речь. – Сегодня нет нужды. Вряд ли аукцион организуют так быстро. Проведи ночь дома. Лейла жалуется, что они с Аидой очень редко видят тебя.

– Разве не служба держит меня вдали от дома? – бесстрастно уточняю я. Возвращаться домой даже на ночь не входило в мои планы. Но я понимаю, что не смогу ничего сделать до начала аукциона. Эрике придется какое-то время провести в Шатрах Махруса, и я отстрелю яйца любому, кто посмеет тронуть ее. А потом пристрелю тех, кто послал Эрику сюда. Они вынесли ей смертный приговор точно так же, как только что Таир Кадер. Его я убить не могу. Так вышло, что сначала он стал моим наставником, а потом и членом семьи. Когда-то я считал, что Таир оказал мне честь, а сейчас понимаю, что он использовал еще один способ связать мне руки.

– Но я же не могу сказать своей любимой дочери, что вина за постоянные отъезды ее мужа лежит на мне. Ты – мужчина, найди способ успокоить женщин. Побалуй подарками, удели внимание. Не мне тебя учить.

– У меня всего одна ночь, – напоминаю я.

– Джамаль, хороший муж всегда найдет варианты.

* * *

Просторную виллу в тихом отдаленном районе Асада я построил по собственному проекту, смешав современные итальянские и традиционные для моей страны стили. Легкий воздушный симметричный фасад с сочетаниями светлых тонов, черепичной крышей и декорированный мозаикой фундамент. Классические, в европейском стиле, кованые ворота с автоматическим управлением и высокий забор, оборудованный системами слежения по всему периметру.

Огромный особняк, большой внутренний дворик, утопающий в зелени, фонтаны с чистой водой, бассейн, искусственный пруд, беседка, напоминающая восточный шатер и прочие изыски роскоши – не совсем вяжутся с моим статусом. Согласно досье, я скромный архитектор Джамаль Каттан, смыслённый и талантливый парень, который родился и вырос в Асаде, рано потерял родителей, получил хорошее образование в Америке и по большей части работаю именно там или в Европе, иногда в Азии, даже в Африке – создаю уникальные дома для толстосумов. Пересекаю границу я уже под другим именем. Джейдан Престон, конечно, не единственное. И легенда, и биография каждый раз зависят от задания и географии места пребывания. Мне приходилось быть итальянцем, евреем, турком... Адамом, Массимо, Салимом... Но домой возвращаюсь я всегда как Джамаль Каттан, странствующий архитектор и муж.

Я не предупредил Лейлу и Аиду, что приеду, и поэтому, когда автомобиль въехал во внутренний двор, никто не выбежал мне навстречу. Не скажу, что сей факт меня сильно расстроил. Мысленно я находился совсем в другом месте. Старый слуга Калиф, присматривающий за домом в мое отсутствие, сообщил, что женщины отправились в город, чтобы пройтись по магазинам в сопровождении Зары, прислуживающей в доме со дня свадьбы с Лейлой и приходящейся моей первой жене очень дальней родственницей. Я не вмешиваюсь в досуг женщин, они отлично знают традиции Анмара, регулярно посещают мечеть, соблюдают предписания пророка и никогда не сделают ничего, что могло бы опорочить мое и их имя.

Отпустив водителя до утра, я сразу направился в мужское крыло. Принял душ, переоделся в домашнюю одежду. В стенах своего дома мужчины и женщины одеваются точно так же, как в других странах – никаких особых восточных изысков. Выбор зависит исключительно от вкуса и возможностей кошелька. Моя работа в АРС оплачивается более чем достойно, но мое детство и юность, проведенные в бедности и труде, наложили свой отпечаток. Я не привык жить на широкую ногу и знаю цену деньгам. Однако в свой дом я вложил все самое лучшее. Ничего не поделатъ – красивые вещи и женщины – моя вечная слабость.

Внутренний дизайн виллы я подбирал в современном стиле. Арки, решетчатые перегородки, ковры, портьеры, пестрые подушки, мозаика, роспись – дань традициям, так сказать.

Моя спальня не отличается от комнаты любого обеспеченного европейца или американиста. Она соединена дверью с рабочим кабинетом, который является самым светлым и комфортным помещением виллы. Кабинет представляет собой просторный овальный зал с большими арочными окнами, в мое отсутствие закрытыми жалюзи, чтобы никакие любопытные носы не сунулись в мою святая святых. Любые изображения людей и живности в Анмаре, как и во многих других арабских странах, под запретом, и быть художником-портретистом здесь невозможно по ряду причин. Да, времена изменились, и никто не бросит меня за решётку за картину с обнажённой женщиной, но и одобрения и признания ждать абсурдно и нелепо.

Если бы Кадер знал о том, что я храню в своей мастерской, то лично бы спалил кабинет. Я до сих пор помню, как прятал от отца свои первые наброски на смятых клочках бумаги, выполненные углем; свои черные пальцы, которые я впопыхах вытирал платком, услышав его шаги за дверью. Уже тогда я рисовал Эйнин. Маленькую девочку в абайе и плотном никабе,

склонившуюся в молитве, но уголь не мог передать лазурный небесный оттенок ее глаз, напоминающий мне море, которое я видел только на страницах книг.

В кабинете есть где развернуться, в отличие от крошечной студии в Нью-Йорке. Находясь в Асаде, я много времени провожу в мастерской в полном одиночестве, не допуская женщин и слуг на свою территорию, здесь же молюсь, когда слышу азан муэдзина из мечети, находящейся чуть ниже по улице.

Вот и сейчас, освежившись с дороги и облачившись в спортивные штаны и белую футболку, я прохожу в мастерскую, открыв дверь ключом, хранящимся в ящике прикроватной тумбочки. Кондиционер в дневное время суток работает на полную мощность, и я даже вздрагиваю, ступив босыми ногами на холодный пол мастерской. С наслаждением вдохнув запах масляной краски, растворителя и акрила, ввевшийся и пропитавший стены, я прохожу в середину зала. Даже находясь на задании я всегда ношу с собой небольшой этюдник и карандаши, но сделанные на быструю руку наброски не смогут сравниться с полным погружением в процесс работы над холстом. Здесь я забываю о времени, наблюдая, как девственно чистый лист покрывают штрихи, мазки, которые, объединяясь, становятся чем-то цельным; оживают, дышат, смотрят, улыбаются, плачут, смеются, кричат, говорят со мной, спорят, обвиняют. И если закрыть глаза, то так легко можно представить насмешливый вызывающий хрипловатый голос.

Да, меня заводят разговоры, al'asad. А разве тебя нет?

Если бы она знала, как близка. Al'asad означает лев, и именно он изображён на гербе короля аль-Мактума. Асад – город, который стал моим домом после того, как мы с ней потеряли все, что имели в Аззаме. Она попала в точку, а я, наоборот, проиграл. И дело даже не в том, что досье Эрики Доусон оказалось слишком чистым и правдоподобным. Я не был готов к правде. Именно поэтому я не хотел прикасаться к ней и в то же время не мог удержаться, теряя разум, хладнокровие, выдержку, забывая к Шайтану, кто я, где и для какой цели нахожусь.

Ты хочешь продлить это чувство между нами, Джей? Ты же чувствуешь его, да? Искры в воздухе, жар по венам. Да, al'asad? Тебе, как и мне, нравится бегать по грани, ходить вокруг жерла вулкана. Пресловутый запретный плод. Когда хочется попробовать собственную музу и в то же время хочется сохранить этот трепет, что она в тебе пробуждает. Я права, Джей?

Не трепет, Эйнин, а ураган, безумие стихии, бурю, цунами. Я боялся уничтожить тебя, я мог; находился на той самой грани, о которой ты рассуждала так легкомысленно, наивно, не зная, с каким зверем играешь. Но мы не бежали бы по ней, Эйнин, а падали в самое пекло, на раскалённые угли... обнаженной кожей. И я никогда бы себе этого не простил. Нам еще многое придется пережить, ты даже представить не можешь, что тебя ждет, и куда ты попала. Западные амбиции, самоуверенность, непокорность, гордость и дерзость – здесь придется расстаться поочередно со всем, что я перечислил. Ты увидела лучшую сторону, но даже она привела тебя в ярость и негодование. Что будет, Эрика, когда мы встретимся без масок? Береги свои крылья, альби (с араб. мое сердце), их глянec уже осыпался на той чёртовой парковке, но мы еще даже толком не начали. Мы будем гореть дотла, до черных шрамов, до криков отчаяния, ненависти, боли и похоти, разносящихся над пепелищем. Судьба настигла нас... снова, и на этот раз завершит начатое. И, если я не смогу спасти тебя, то останусь. Мы будем гореть, Эйнин. Вместе. Тряхнув головой, я отгоняю тяжелые мысли, ощущая во рту привкус гари и дыма, как тогда... Все еще слишком ярко. Некоторые события не подлежат забвению, пока призраки не отомщены, а справедливость не восстановлена.

Я поднимаюсь на небольшой постамент, устланный белой бумагой, чтобы не испачкать при работе мраморные полы, которые не нагреваются даже в самые жаркие месяцы. За то время, что прошло с моего возвращения в Анмар, я написал всего две работы. Одна из них вернулась к той, чьи глаза пятнадцать лет преследовали меня во сне и наяву. А вторую закон-

чил буквально перед самым отправлением в душную сухую Мирзу, подвергающуюся каждую неделю песчаным бурям, которые приносят ветра из Махруса.

Последний портрет Эйнин так и стоит на мольберте, накрытый плотной тканью. Все остальные картины развернуты к стенам лицевой стороной, как и любимая репродукция Айвазовского, которую я привёз с собой из Нью-Йорка, и еще одна, написанная полтора года назад – «Постоянство памяти» Дали. Как это чертовски эпично. Я сделал копию со знаменитого шедевра великого художника и через несколько месяцев встретил Эйнин... и не узнал ее. Постоянство памяти подвело меня, как и острое зрение и феноменальная внимательность к деталям. Иногда мне кажется, что все происходящее в моей жизни так или иначе ведет меня к Эйнин, возвращает, напоминает, связывает. Она мой девятый вал, преодолевший неумолимое течение времени и обрушившийся на меня в тот момент, когда я почти смирился, что никогда не найду хотя бы отдельно похожую девушку на ту, что я потерял. Я пытался ее искать, но как? Эйнин исчезла после пожара. У меня не было даже ее имени. Кадер сказал, что никто не выжил. Конечно он не знал, что я спас девочку, а потом вернулся. Никто не знал. Я боялся одного – что она попала в руки торговцев из Шатров Махруса. Мне не раз приходилось преследовать преступников, имеющих отношение к этой организации, и перед тем как исполнить приговор, я спрашивал... каждого про девушку из Кемара с голубыми глазами, но никто ничего не знал.

Наверное, мои рассуждения звучат цинично, учитывая то, что я женат. Дважды. На красивых, соблазнительных, любящих меня женщинах. Но только Эйнин не имеет никакого отношения к моему семейному положению. Эйнин – рух альби (с араб. душа моего сердца). Она особенная, мое проклятие и награда... испытание и соблазн, которые я обязан преодолеть. Внезапное напряжение простреливает позвоночник, когда, остановившись у станкового массивного мольберта, я замечаю, что ткань, укрывающая портрет Эйнин, немного сползла, открывая угол холста. Нахмурившись, я оглядываюсь по сторонам. Некоторые картины сдвинуты с места, это заметно по неравномерным следам пыли на полу. Шайтан побери этих женщин! Прислуга никогда бы не нарушила приказ. Уверен, что это вездесущая Лейла!

Я знаю, что робкая покорная Аида никогда не осмелится войти сюда, даже если дверь будет открыта настежь, она и в спальню ни разу не зашла без приглашения. С ней у нас своя простая и в то же время сложная история, но я уверен в Аиде, как в самом себе. А вот Лейла – совсем другая, более любознательная и бойкая от природы. Единственная и младшая дочь влиятельного отца, родившаяся после трех сыновей, она воспитывалась согласно традициям нашей страны и религии, но ее баловали больше, чем многих анмарских девочек. Кадер вырастил принцессу, изнеженную, красивую, идеальную жену, послушную воле мужа, но умеющую добиться своего женской хитростью. Она и меня получила точно так же. Лейла всегда знает, чего хочет – это качество нельзя не уважать как в женщине, так и в мужчине. Целеустремлённая, воспитанная, неглупая, образованная. Лейла училась в Европе, сохранив приверженность и любовь к традициям и обычаям своей страны. Да Кадер бы и не допустил обратного. Дочь человека его уровня просто не может позволить себе уронить тень на репутацию отца. Он стер её как зеницу ока, а отдал мне... Я не понимал поначалу, за что удостоился подобной чести. Я был обязан Таиру жизнью, своим положением, всем что имею сейчас. Все оказалось гораздо проще. Лейла меня выбрала, а отец не смог противостоять дочери. А я в свою очередь не посмел проявить неуважение к человеку, который стал моим наставником. Разумеется, решение Кадера выдать единственную дочь за своего подчинённого носило и скрытый смысл.

Услышав шум за окном, я раздвинул жалюзи, наблюдая, как из припарковавшегося на стоянке автомобиля выходят Лейла, потом Аида и за ней Зара. Все три в черных абайях, с закрытыми лицами и волосами, хотя я никогда не настаивал на ношении никаба. Многие девушки и женщины заменили его платком, уловив волну неумолимо надвигающихся изменений, хотя еще пару лет назад подобное было неприемлемо в столице Анмара. Цивилизованный западный мир потихоньку вторгается в страну вместе с потоком иностранных товаров и

рекламы. Я не считаю, что с этим нужно бороться или принимать в штыки. Я слишком долго прожил на Западе и некоторые привычки и особенности перенял и принял из чуждой мне культуры, а к кое-чему успел пристраститься.

Вернувшись к мольберту, я отодвигаю ткань в сторону, чтобы взглянуть на запечатлённое на холсте лицо Эйнин. Огромные распахнутые глаза смотрят прямо на меня, но не с печалью и слезами, как раньше, а с гневом и вызовом; чувственные губы изгибаются в дерзкой улыбке, длинные темные волосы змеятся по хрупким плечам, прикрытым пресловутым синим платьем. Я так ярко помню момент, когда расстёгивал чёртову молнию на ее спине... Мои пальцы касаются неподвижного лица Эйнин, внутри растет напряжение. Пока я здесь плясую на ее портрет, неизвестно что происходит с ней в логове работорговцев. Стиснув зубы, я одёргиваю руку и холст тканью как раз в тот момент, когда внизу раздаются голоса женщин. Как сказал напоследок Кадер?

Джамаль, хороший муж всегда найдет варианты.

Две жены, истосковавшиеся по мужской ласке за несколько месяцев моего отсутствия. И всего одна ночь. Пока у меня вырисовывается только один вариант, который Таиру пришлось бы не по душе.

Спустившись, я застаю жен в гостиной. На угловом бежевом диване возвышается гора пакетов с лейблами из известных каждой моднице бутиков. Лейла и Аида уже сняли абайи и предстали перед моим взором во всей своей красе. А посмотреть есть на что. Высокая, темноволосая черноглазая Лейла в длинном атласном приталенном платье с открытыми плечами, многочисленными золотыми браслетами, инкрустированными драгоценными камнями на тонких запястьях, и с тяжелыми серьгами в маленьких мочках. Рядом с ней всегда немного зажатая Аида с медной копной волос и темно-серыми печальными глазами кажется особенно миниатюрной, робкой, неуверенной. Заметив мое появление, Лейла бросается ко мне первой, обвивая за плечи руками и звеня своими браслетами.

– Джамаль-джан, я даже не поверила, когда Калиф сказал, что ты приехал. Пророк услышал мои молитвы! Я знала, что сегодня будет необыкновенный день! – радостно улыбаясь, щебечет она и прижимается ко мне всем своим сочным телом. Аида смотрит в пол, топчась на месте и явно чувствуя себя лишней. Дело тут вовсе не во мне, а в неумной энергетике Лейлы. Как только вторая жена появилась в этом доме, первая быстро взяла ее в оборот, полностью подавив своим авторитетом. Я никогда не влезаю в женские дела, и пока они не дерутся и не рвут друг на друге волосы, вмешиваться не имеет никакого смысла. А, как ни странно, почти с первого дня девушки нашли общий язык и даже подружились, но вот как-то односторонне, я бы сказал. Нет, меня полностью устраивают покорность и скромность Аиды, а что чувствует она сама – волнует мало. Я сделал для нее больше, чем мог и должен был.

– Аллах привел тебя домой, как же я счастлива! – восклицает Лейла, запуская пальцы в мои волосы и заглядывая в глаза. Я мягко, но уверенно отстраняю ее, и она озадаченно хмурится, но продолжает улыбаться, изображая радушие любящей жены.

– Аида, поднимись в мою спальню и жди там, – отдаю резкий приказ, забыв, что я не на службе. – Нам с Лейлой нужно серьезно поговорить, – добавляю чуть мягче. Черноглазая бесит вздрагивает, запрокинув голову, и замирает в потрясении, хлопая длинными ресницами. Оборачивается на юркнувшую к лестнице Аиду, и чуть ли не шипит от ярости, но мгновенно замолкает, заметив мой жесткий ледяной взгляд. Опустив голову, делает шаг назад, непроизвольно стискивая в кулаках подол своего платья. Она в ярости. Об этом говорит ее вспыхнувшие щеки, едва сдерживаемые слезы обиды и бурно вздымающаяся и опускающаяся высокая грудь, подчеркнутая глубоким декольте. Я считываю волны негодования, обиды и раздражения, исходящие от девушки, не прилагая ни малейших усилий. Лейла для меня – открытая книга, прочитанная и заученная до дыр. Вспыльчивая, упрямая, но безобидная. Единствен-

ный приз, за который она сражается – это я. И мы оба знаем, что она его никогда не получит, несмотря на связывающие нас брачные обеты.

– Ты заходила в мой кабинет? – холодно спрашиваю я, убирая руки в карманы брюк и сверля взглядом застывшую с опущенной головой девушку. Она снова вздрагивает всем телом, плечи покрываются мурашками, тонкие пальцы бледнеют и разжимаются, выпуская смятую в них ткань платья. Лейла отступает назад, присаживаясь на диван, предварительно сдвинув в сторону пакеты с покупками.

– Ответь мне, Лейла, – громче спрашиваю я, не дождавшись даже короткого кивка. Девушка закусывает губы, из-под густых черных ресниц стекают слезы. Мало женщин умеют плакать, не превращаясь в истеричное существо с хлюпающим носом и распухшими глазами. Лейла освоила это искусство еще в самом начале нашего брака. От радости, боли, счастья и удовольствия она плачет одинаково красиво. Думаю, первым, на ком она испытывала чары своих слез, был все-таки не я, а ее отец. Надо признать, что Лейла прекрасна даже в своих откровенных и очевидных попытках манипуляции. И когда-то меня забавляли устраиваемые женой спектакли с заявкой на женскую хитрость. Она горестно всхлипывает и наконец кивает, робко и виновато поднимая на меня полный фальшивого раскаяния взгляд.

– Прости меня, Джамаль, – складывает ладони на коленях, принимая позу абсолютной покорности. Я бы поверил, если бы не знал наверняка, что она не чувствует ни малейшей вины за содеянное. В красивых черных глазах плещется многогранная гамма чувств – от гнева до возбуждения. – Я помню, что мы не должны подниматься в твои комнаты, когда ты в отъезде. Но я так скучала, хабиби, – добавляет чувственным полусшепотом. Тряхнув головой, я усаживаюсь на невысокое кресло-пуф.

– Ты зашла не пыль протереть и не рубашки перебрать. Ты взяла ключи из моего стола и заявила в кабинет, куда я даже слуг не пускаю, – четко проговаривая каждое слово, озвучиваю основную претензию. И безосновательную. Если я запираю дверь, значит не хочу, чтобы ее открывал кто-то, кроме меня. Разве не логично? Но женщины и логика – понятия несопоставимые.

– Когда ты приезжал в последний раз, то почти не уделял нам внимания, пропадая в кабинете, – не поднимая ресниц, Лейла начинает придумывать себе оправдания.

– И тебе стало любопытно? – сухо уточняю я. – Ты решила сунуть свой нос в дела, которые тебя не касаются. Так, Лейла?

– Нет, – картинно всхлипнув и качнув головой, девушка поджимает розовые губы. – Ты говорил, что работаешь над проектом нового дома. И я подумала... В этом году будет пять лет, как мы поженились...

– Что я готовлю подарок для тебя? – оборвав ее на полуслове спрашиваю я. – Ты хочешь новый дом? Чем тебя не устраивает этот? Стал тесен? Может, тебе Аида мешает?

– Нет. Я сама настаивала, чтобы Аида жила с нами, – еще один шумный вдох.

– Скажи правду, Лейла. Хватит уже испытывать мое терпение, – раздраженно требую я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.